

YOUNG ADULT THRILLER

АНДРЕАС ГЁТЦ

УМРИ
ТИХО,
МОЙ
АНГЕЛ

Freedom

Москва
2016

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-44
Г44

Andreas Götz
STIRB LEISE, MEIN ENGEL

Stirb leise, mein Engel ©Verlag Friedrich Oetinger,
Hamburg, 2014. Published by agreement with
Verlag Friedrich Oetinger.

Гётц, Андреас.

Г44 Умри тихо, мой ангел : роман / Андреас Гётц ; [пер.
с нем. А.Г. Николаева]. — Москва : Эксмо, 2016. —
448 с. — (ТРИЛЛЕРЫ. Мировой бестселлер).

ISBN 978-5-699-91070-0

Не успел семнадцатилетний Саша познакомиться с Натали, как она покончила с собой, приняв цианид. Юноша никак не может прийти в себя после трагической гибели возлюбленной. К тому же Мюнхен потрясла внезапная череда самоубийств девушек. И практически каждая незадолго до своей смерти общалась с неким Тристаном. Саша считает, что полиция бездействует, а Натали вовсе не покончила с собой, и решает сам заняться расследованием и выяснить, что из себя представляет этот загадочный парень. Неожиданно на помощь ему приходит отвязная красавица по имени Марайке. Согласившись на ее участие, Саша не знал, что втянул себя в смертельно опасную игру...

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-699-91070-0

© Николаев А., перевод на русский
язык, 2016
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2016

Благодарности

Никаких слов благодарности не хватит, чтобы отблагодарить Лизу-Мари Дикрайтер за ее всестороннюю поддержку, которую она оказывала мне на многих этапах моей работы, а не только при написании данного романа. При этом время нашей совместной работы в Швейцарии и в Шварцвальде является для меня освежающим источником вдохновения, радости и уверенности. Но больше всего я благодарен ей за ее дружбу, которая необыкновенно обогащает мою жизнь.

Кроме того, я благодарю первых читателей моей рукописи Ангелику Йодль, Рут Лёбнер, Сюзанн Роземан, Барбару Славиг и Андреа Штеер за их одобрение, но еще больше за их критику, а также Жанет Кларк за ее поддержку и участие в этом проекте. Это просто счастье иметь таких друзей!

Само собой разумеется, я выражаю благодарность моему агенту Биргит Артега не в последнюю очередь за предложение остановиться, подоспевшее как раз вовремя.

И последнее по порядку, но не по важности: я хотел бы выразить огромную благодарность моему издательскому редактору Карине Матерн за ее энтузиазм и участие, а также всему коллективу издательства Oetinger, которое так сердечно приняло меня. Как автор я чувствую себя здесь целиком и полностью как дома.

— **М**не страшно, Тристан.
Пожалуйста, только не это. Ты убиваешь
меня, девочка. Только не иди теперь на
попятный.

— Тристан?

Я должен что-то сказать. Уговорить ее. Но я не могу. Да и не хочу больше. Почему я чувствую вдруг такую усталость? Такое изнеможение? Единственное, на что я сейчас способен, это тупо смотреть на нее. Но, в сущности, я даже и не вижу ее. Что же происходит со мной? Неожиданно все кажется мне таким бессмысленным. Что я здесь делаю, собственно говоря?

— Ты не обязана, — слышу я свой собственный голос, — тогда я уйду один...

И мне действительно все безразлично. Абсолютно все.

Тогда она кладет свою потную ладонь на мою руку, и меня словно пронзает ударом электрического тока: эта ладонь! Эта отвратительная влажная ладонь, прикасающаяся ко мне! И тем самым ко мне возвращаются силы. Энергия. Нет, я хочу этого! И чем быстрее я доведу начатое дело до конца, тем лучше.

Я заставляю себя пожать ее руку и говорю:

— Давай уйдем вместе, мой ангел...

Она смотрит на меня своими большими как у серны глазами, на которые навернулись слезы.

Если она действительно попытается увильнуть, я придушу ее своими собственными руками. Если понадобится, я способен даже на это.

Я осторожно высвобождаю свою руку, встаю с кровати и иду к письменному столу. Наши прощальные письма лежат на столе одно подле другого, словно на крышке гроба, а сверху по диагонали черная роза. Сара отличается абсолютным отсутствием вкуса. Слава богу, что мне удалось отговорить ее от написания совместного посмертного письма. Я пробегаю глазами по скупым словам прощания, предназначенным ее родителям, ее младшему брату и ее друзьям. А в заключение следуют предложения: *В моей смерти никто не виноват. Я умираю по доброй воле.*

Я наклоняюсь над стулом, запускаю руку во внутренний карман своей куртки и достаю пакетик с цианистым калием. Надеюсь, на Сару он подействует так же быстро, как и на бродячую дворняжку. В тот раз не прошло и двух минут, как шавка окоченела.

Ух ты. Мой пульс вдруг заколотился как бешеный. Я чувствую, как удары сердца отдаются даже в голову.

Все будет хорошо.

Я встаю перед двумя стаканами с колой таким образом, чтобы Сара с кровати не могла видеть, что я добавляю яд только в один из них. Она целиком и полностью доверяет мне. А почему бы и нет? Я люблю ее больше жизни. Ха-ха! С двумя стаканами в руках я иду к кровати и протягиваю Саре один.

Свой же стакан я крепко сжимаю в руке. Она преданно смотрит на меня, в то время как в ее стакане с колой из цианида калия и угольной кислоты образуется смертельно ядовитая синильная кислота.

— Все происходит действительно быстро?

Я утвердительно киваю.

— Это больно?

Я пожимаю плечами.

— Не думай об этом.

Вместо того чтобы наконец выпить, она ставит свой стакан на бедро и застывшим взглядом смотрит на него. Что-то все еще угнетает ее, и я точно знаю, что именно. Невероятно. Какая же она грязная потаскушка! Даже перед лицом смерти она все еще продолжает думать о чем-то подобном. Я бы с огромным удовольствием ударил ее кулаком в лицо.

— Давай же, мой ангел, — сладким голосом говорю я, — давай наконец сделаем это.

— А разве мы перед этим не поцелуемся?

Видимо, от этого никуда не деться. Я наклоняюсь к ней и прижимаю свои губы к ее полуоткрытому рту. Тотчас ее язык, скользкий и подвижный как угорь, проникает в мою ротовую полость. Ее пальцы впиваются в мое плечо так сильно, что мне больно. Нет, она не станет пить, если сию минуту я ничего не предприму. Охотнее всего я бы насильно влил ей яд прямо в глотку, но я беру себя в руки, в последний раз. Я осторожно высвобождаюсь из ее судорожных объятий, беру ее руку, держащую стакан, и подношу к ее рту. Я нашептываю ей в ухо те слова, которые она хочет сейчас услышать:

— Мой ангел, в следующее мгновение мы соединимся с тобой навсегда. Разве наша любовь не достойна этой боли?

Она покорно кивает и смотрит на меня этим дурацким преданным собачьим взглядом. Проходят несколько долгих секунд. Затем еще столько же. Она хочет что-то сказать, но я закрываю ей рот двумя пальцами.

— Не надо больше слов, — нежно шепчу я. — Умри тихо, мой ангел.

Наконец она подносит свой стакан к губам.

— Мы увидимся с тобой на том свете, — говорю я и даже машу при этом рукой.

В то время как кола вливается в ее горло, из ее глаз текут слезы. Стоит ли мне проявить великодушие и тоже отпить колы из своего стакана, чтобы в свои последние минуты жизни она утешилась тем, что мы действительно уходим вместе? Но все во мне противится этому. Я ставлю свой стакан на ночной столик и, скрестив руки на груди, жду, когда же яд наконец начнет действовать.

Как долго она уже больше не шевелится? Она еще дышит? Мне становится жутко от этих безжизненных глаз. Она мертва. Я думаю, она уже мертва. Держась пальцами за рукав ее кофточки, я поднимаю ее руку и отпускаю. Рука безвольно падает вниз, тяжелая, как камень. Собственно говоря, а чем она отличается сейчас от камня? Куда подевалось то, чем она только что была? Здесь что-то произошло, но я все еще не могу до конца осознать, что именно. Станет ли мне сейчас плохо?

Нет.

Я должен прекратить пялиться на нее. Возможно, это приносит несчастье. Возможно, теперь я проклят. Какая чушь! Ничего подобного не бывает. Я должен сосредоточиться. Сконцентрироваться. Должен взять себя в руки и не терять голо-

ву. Сейчас наступила та фаза, когда совершаются ошибки. Глупейшие ошибки. Я не имею права совершать ошибки.

Я встаю и отношу свой стакан на кухню, ополаскиваю его, вытираю насухо и ставлю в этот суперуродливый навесной шкафчик. Затем я возвращаюсь в комнату Сары и иду напрямик к письменному столу, стараясь не смотреть на кровать. Моя рука дрожит лишь совсем немного, когда я вытаскиваю из-под черной розы свое прощальное письмо и прячу его в карман. Я надеваю ботинки, накидываю на плечи куртку, нахлобучиваю на голову бейсболку и прикрываю глаза солнечными очками.

Последняя проверка: не осталось ли в комнате чего-нибудь из моих вещей? Нет. Отпечатки моих пальцев на стакане Сары и следы моей ДНК повсюду в квартире меня абсолютно не волнуют. После самоубийства полиция никогда не посылает криминалистов для фиксации следов. А даже если такое и произойдет, у меня нет причины волноваться: ведь у меня нет судимости и я никогда не имел никаких дел с полицией. Отпечатки моих пальцев и моя ДНК им ничего не дадут. Обычный предвидимый риск, как говорят юристы.

Уже несколько минут первого. Я хорошо укладываюсь во время. Сара сказала, что до четырех никто не придет домой. Прежде чем уйти, я в последний раз оглядываюсь в комнате.

Здесь ничего не напоминает обо мне.

Идет дождь. Тем не менее я не снимаю солнечные очки. Я уже собираюсь поднять воротник куртки, но потом оставляю все как есть. Я сильно вспотел, и мне приятно ощущать прохладные капли дождя на своих разгоряченных щеках. Улица вы-

глядит так же, как и прежде, и все-таки совершенно иначе. Когда еще совсем недавно я спускался вниз по улице, то думал, что Сара единственная, кто умрет сегодня. Но сейчас, когда я иду по улице вверх, я знаю: это не так. Я тоже умер. Тот, кто вышагивает здесь по мостовой, это призрак. Фантом. Довольно странное чувство, но в то же время это так круто.

Неужели я действительно здесь, на улице? Или я все еще рядом с Сарой и наблюдаю за тем, как она подышает? Понятия не имею, все как-то слилось в единое целое. Я явственно вижу, как ее пальцы судорожно впиваются в подушку, слышу глухой хрип, вижу ее безумный взгляд, в котором читается отчаяние. Был ли это только страх перед приближающейся смертью или она пришла в отчаяние из-за меня, поскольку таким образом я предал и обманул ее? Надеюсь, что все было именно так. И мне хотелось бы, чтобы все длилось подольше. Еще никогда я не был так погружен в себя, как в эти минуты. В моей голове не было ни одной мысли, я ощущал лишь чистое бытие. Я даже ни разу не подумал, почему я все это делаю. Сейчас это было просто неважно.

Сильный толчок в плечо заставляет меня очнуться от моих грез.

— Будь внимательнее, старик! — рявкает кто-то на меня. — Ты пьян, что ли, что так шатаешься?

Я останавливаюсь. Какой-то тип в толстовке с капюшоном вылупился на меня так, словно у меня на лице проказа. Неужели по моему лицу что-то видно? Не говоря ни слова, я поспешно удаляюсь. Смотрит ли он мне вслед? Идет ли он за мной? Или он уже вызывает полицию?

Я не решаюсь оглянуться.

Все-таки я ушел слишком поспешно. Сейчас, когда я опять в состоянии ясно мыслить, я сожалею о том, что ушел так быстро. Ведь у меня было достаточно времени. Было время, чтобы навсегда запомнить печать смерти на лице Сары, чтобы насладиться чувством счастья удавшейся мести. Почему я не воспользовался этим шансом? Я уже забываю первые детали. Нюансы. Например, бледность ее кожи. Какой она была — больше серой, или желтоватой, или цвета слоновой кости? А безжизненные глаза — они действительно выглядели как глаза с поволокой или мне это только показалось?

В следующий раз мне нужно будет лучше все запомнить...

1

Саша стоял, прислонившись к окну, когда между двумя дорожными знаками запрета стоянки, уже несколько дней украшавшими тротуар, остановился грузовик. На борту этого грузового фургона можно было прочесть: *Переезды Кеферлоэр Мюнхен — Штутгарт — Гамбург — Берлин*. По-видимому, это приехали новые соседи. Надеюсь, они окажутся лучше, чем старые, подумал Саша. Его потребность в громкой музыке хеви-метал в ночное время была полностью удовлетворена до конца жизни.

Саша наблюдал за тем, как трое крепко сложенных мужчин — очевидно, грузчики — вылезли из кабины грузовика и почти одновременно вытащили из карманов по пачке сигарет. Едва они успели закурить, как подкатил «Гольф» цвета красного вина,

резко затормозил и, сдав назад, припарковался перед грузовиком. Из него вышла женщина, подошла к грузчикам и завела с ними разговор. По мнению Саши, она была примерно возраста его матери. Да и в одежде они предпочитали один и тот же стиль: джинсы, футболка и кеды.

Мужчины часто кивали, мало говорили и курили свои сигареты. В этот момент открылась дверца «Гольфа» со стороны пассажира. Однако прошло еще несколько секунд, прежде чем показались две стройные ножки в брюках карго с накладными карманами на бедрах; затем прошло еще несколько секунд, пока за ножками последовало остальное. Девушка. Или, скорее, молодая женщина. Симпатичная. Смуглая. Примерно его возраста.

Она уперла руки в бока и потянулась, выгибая спину, словно после долгой поездки, хотя на машине был мюнхенский номерной знак. Потом она запрокинула голову, и ее взгляд скользнул вверх, точно в том направлении, где он стоял.

Саша непроизвольно отскочил на шаг от окна. При этом он чуть было не налетел на свою игровую приставку. Интересно, заметила ли она его? Не слишком ли бесцеремонно пялился он на них сверху вниз? Ерунда, успокоил он сам себя, наверняка она смотрела не на него, а на окна рядом, на окна своей новой квартиры.

Саша отложил в сторону комикс. У него пропало желание следить за очередным приступом ярости Халка. Через открытую балконную дверь соседней квартиры до него то и дело доносились обрывки коротких разговоров. Какая мебель должна стоять в той или иной комнате, какой ящик и куда следует отнести, какую полку прибить на ту или иную стену.

Между тем он подслушал и имя смуглой девушки: Джой.

Красивое имя, подумал он. Интересно, это ее настоящее имя? Или всего лишь прозвище? У этих америкашек часто бывают имена, имеющие смысловое значение: Джой — радость; Хоуп — надежда; Грейс... Наверняка это тоже что-то означало, только он никак не мог вспомнить, что именно. Значит, выходит, она американка? Правда, обе женщины разговаривали между собой на безупречном немецком.

— Вид отсюда не такой уж и потрясающий, — неожиданно послышалось так громко, словно она стояла рядом с ним. В принципе, так оно почти и было, их отделяла друг от друга только тонкая балконная перегородка. Правда, голос этой Джой был не очень похож на голос юной девушки, он был, пожалуй, немного глуховат и даже несколько сипловат. А может быть, она была дочерью какого-нибудь известного исполнителя блюзов из Нового Орлеана, в шутку подумал он.

Через несколько секунд из соседней квартиры донесся громкий металлический перезвон, очевидно, юная соседка копалась в ящике с инструментами.

— Где же отвертка для винтов с крестообразным шлицем? Мама, она у тебя?

— У меня? — донеслось эхом из глубины квартиры. — Ну, разумеется, в левом кармане джинсов.

— Блин. Неужели мы забыли ее взять?

— Понятия не имею. Я даже не знаю, как эта штуковина выглядит.

— Ну просто отлично!

Саша усмехнулся, между делом сунул руку в задний карман джинсов и испугался. Черт, подумал он. Он же совсем забыл положить в карман мобильник. Если тем временем его мать звонила или посылала